

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
КОМИТЕТ КУЛЬТУРЫ

КАЗАХСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПО ПРОБЛЕМАМ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НОМАДОВ

Вклад кочевников в развитие мировой
цивилизации

Сборник материалов Международной научной конференции
Алматы, 21-23 ноября 2007 г.

Алматы

2008

Б. А. Раев
(Россия)

Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши

С тех пор как с началом изучения северокавказских народов стало аксиомой отождествление алан и осетин, вопросы, связанные с древней историей этого народа, в течение более чем 150 лет дискутируются и в отечественной, и в зарубежной историографии. Понятно, что одним из наиболее важных был вопрос о прародине алан, о той территории, на которой происходило формирование этноса. Отсылая к работам последних лет, в которых подробно изложена историография проблемы [1], замечу, что идея о том, что этот народ переселился на Северный Кавказ из Центральной Азии, впервые была сформулирована в середине XIX в. В. Сент-Мартином и получила развитие в трудах В. Ф. Миллера, Е. Тойблера и Э. Шарпентье [2]. При этом последний подчеркивал, что аланы и осетины - это разные, хотя и родственные народы [3].

Я остановлюсь на этом выводе ниже, пока же отмечу, что все эти гипотезы высказывались при полном отсутствии каких-либо археологических материалов - как в Азии, так и на юге Восточной Европы, - которые связывались бы с аланами. Кроме того, исследователи XIX - начала XX в. имели в своем распоряжении только античные письменные источники, что отразилось даже в названии одной из обобщающих работ [4].

В конце 70-х гг. XX в., уточнив хронологию богатых погребений первых веков н. э. в курганах Нижнего Подонья, я связал их появление с приходом на эту территорию алан [5]. Позже в развитие идеи в эту группу были включены аналогичные погребения в курганах Нижнего Поволжья и Прикубанья [6], а сопоставив их с алтайскими курганами, предположил их историко-генетическое родство [7]. Тогда же было высказано предположение, что с первой аланской волной можно связать погребения «зубовско-воздвиженской группы», которые появляются в Прикубанье во второй половине I в. до н. э. и единично — в Нижнем Поволжье и Подонье [8].

Идея вызвала несколько скептических откликов, но в целом была воспринята большей частью специалистов по археологии раннего железного века Восточной Европы, что освобождает меня от перечис-

ления тех и других. В последующие десятилетия усилия специалистов по аланской проблематике были направлены на восстановление истории алан на востоке. Этому в немалой степени способствовало то, что были переведены, изданы и стали доступными восточные, в основном китайские письменные источники.

Лакуну начали заполнять исследования или профессиональных археологов и историков, специалистов по истории и культуре кавказских алан [9], или страстно ориентированных энтузиастов-осетиноведов [10]. Ситуация несравнима с той, что была более ста лет назад, когда предметом изучения стала история алан на Западе. Упомянутые выше специалисты плохо подготовлены к работе с восточными письменными источниками, а археологические материалы Центральной и Внутренней Азии привлекаются ими факультативно, поскольку тоже лежат вне зоны их интересов.

Я еще менее подготовлен к интерпретации как античных, так и китайских письменных источников, и, чтобы избежать соблазна создания упрощенных этноисторических моделей [11], обращусь к воссозданию маршрутов переселения алан из Внутренней Азии в Европу с точки зрения, с которой эта проблема в отечественном алановедении не рассматривалась. Этот подход можно назвать этно-ландшафтным. Предлагаемая статья не является попыткой всестороннего освещения проблемы, скорее это заметки, определяющие перспективное, с моей точки зрения, направление исследования.

Области Внутренней Азии, археологические памятники которых дают основания считать их прародиной алан, в географическом отношении представляют собой степи, не просто пригодные для кочевого скотоводства. Они перемежаются поросшими лесом горными хребтами, на севере граничат с лесной зоной, на юге - с пустынями, что позволяло оптимально распределять маршруты сезонных перекочевок, а в случае природных катаклизмов минимизировать их последствия. Широкие горные долины с обильным травостоем создавали благоприятные условия для демографического роста и увеличения поголовья скота. Удобные перевалы между долинами способствовали интенсивному межплеменному обмену в отличие от таких горных массивов, как Тянь-Шань, Памир или Кавказ, где население горных долин разделяли непроходимые хребты. Немаловажную роль для выработки специфической формы кочевого скотоводческого хозяйства играл резко-континентальный аридный климат, характерные для этой зоны растительность и животный мир.

В начале XX в. Л. С. Бергом была сформулирована идея принудительного воздействия ландшафта на организмы, в результате которого происходит приспособление вида к определенной среде [12], а в дальнейшем эта наследственная информация передается от поколения к поколению [13]. Этнос приспосабливается к географической среде через хозяйственную деятельность, наилучшим образом адаптированную к географической специфике региона. Применительно к горным регионам Внутренней Азии можно говорить о сложении здесь в первой половине I тыс. до н. э. особого вида хозяйства, в котором при определяющей роли кочевого скотоводства сочетались земледелие, пастушеское скотоводство, домашнее ремесленное производство [14]. При всей ограниченности возможностей дальнейшего развития [15] следует признать, что местные племена вырабатывают оптимальные приемы ведения хозяйства, навыки быта, религиозные представления и пр., обусловленные занятой ими экологической нишей.

Причины, по которым началась миграция местного населения, могли быть различны [16], но ограничивать их политической обстановкой на востоке региона мне представляется недостаточным. Скорее всего, к давлению с востока добавились факторы - и климатические, и демографические [17]. Археологические памятники северо-западных предгорий Тянь-Шаня и Памира свидетельствуют о том, что значительная часть кочевого населения Внутренней Азии начала свое движение на запад именно этим маршрутом. Он пролегал по наиболее благоприятным для кочевников районам, где скот был обеспечен кормами и водой. При переселении этнос предпочитает области, в экологическом отношении похожие на те, в которых происходило его сложение [18]. В рамках статьи для меня не столь важны детали завоевания Бактрии, сколько то, что пришлые племена выбрали для обитания удобные, с их точки зрения, предгорные районы и горные долины Центральной Азии [19].

Следующим к западу горным массивом, где археологически зафиксировано пребывание выходцев из Внутренней Азии, является Эльбурс. Здесь были раскопаны могильники, которые оставило кочевое население, совершившее в 72 г. н. э. военный рейд в Закавказье, и известное, по мнению Ю. А. Заднепровского, в античной письменной традиции под именем «аланы» [20]. Погребения рядового населения Северного Предкавказья I—II вв. н. э. обнаруживают сходство именно с этими памятниками, что позволяет говорить о перемещении части племен из Южного Прикаспия в Предкавказье. И здесь

волна переселенцев, выбирая область обитания, предпочитает осваивать привычную горно-степную зону. Отмечу, что все области, которые в качестве удобной экологической ниши выбирали кочевники во время миграции из Внутренней Азии в Восточную Европу, идеально соответствуют анклавам евро-сибирской флористической подобласти, включенным в обширную понтическо-центральноазиатскую степную подобласть [21].

В то же время в Предкавказье нет богатых погребений, аналогичных «княжеским» могилам Нижнего Подонья и Поволжья, которые были определены как аланские [22]. По составу инвентаря и некоторым деталям погребального обряда последние близки захоронениям в некрополе Тилля-Тепе в Северном Афганистане и в Алтайских курганах.

Возникающее противоречие, кажется, легко разрешимо. Выше упоминалась точка зрения о том, что аланы и осетины близкородственные, но не идентичные племена. Этнографы отмечают, что в кочевых обществах общественная организация во время войн и переселений и в мирное время существенно различаются. В первом случае происходила консолидация племен в такие структуры, которые обеспечивали успех военных кампаний или переселений [23]. Именно в такие периоды повышенной активности происходили контакты кочевников с античным миром. Это привело к мнению о повышенной агрессивности кочевников, о присущем им типе непрерывного кочевания, что не подтверждается ни археологическими фактами, ни сравнительными этнографическими данными [24].

В социальной организации древнетюркских кочевых племен зафиксирована система военной организации, при которой молодые воины жили вне племени, не имели жен, не вели хозяйства и содержались за счет племени. Их ряды пополнялись подрастающим поколением, а функции заключались в охране границ племени и ведении войн [25]. Такая организация, по мнению Ю. М. Ботякова, фиксировалась у туркмен в период присоединения к России, а отдельные ее черты сохранялись вплоть до начала XX в. [26] Есть все основания говорить о подобной организации и у ираноязычных кочевников: не такая ли дуалистическая структура общества запечатлена в нартовском эпосе осетин?

Недавно Л. А. Боровкова высказала оригинальное и чрезвычайно интересное предположение о том, что завоевание Бактрии племенами юэчжи происходило в два этапа. Первый из них - это военная агрес-

сия, второй - постепенное проникновение кочевников в среду оседлого населения Бактрии - проходил мирно [27]. Аналогичную схему освоения новых пастбищных угодий номадами в позднем средневековье проследила и И. В. Ерофеева [28]. Такой механизм заселения новой территории кочевыми туркменами, когда на первом этапе новые земли осваиваются группой неженатой вооруженной молодежи, отражен в переписке местного населения с русской администрацией во второй половине XIX в. и характерен для всего периода расселения туркмен [29].

Мне представляется, что по этой же схеме происходило освоение аланами степей Юго-Восточной Европы. Первая орда, с которой можно связать погребения «зубовско-воздвиженского» типа, появилась здесь во второй половине I в. до н. э. после Митридатовых войн. Судя по локализации памятников, вторжение было осуществлено через перевалы Северо-Западного Кавказа, которые использовались Митридатом и его союзниками и были известны кочевникам [30].

Вторая орда оставила богатые погребения на Нижнем Дону. Ее переселение связано, вероятно, с грабительским набегом алан на Закавказье в 72 г. Судя по письменным источникам, он был предпринят с востока через Гирканский проход, а затем обычными и хорошо известными еще со скифских времен маршрутами вышел в Предкавказье [31]. То ли потому, что города Азиатского Боспора контролировались другими кочевниками, то ли по иным причинам, но эта орда прошла до Нижнего Дона, где расположилась в непосредственной близости от Танаиса. При всей условности сравнения горных систем Евразии и Донецкого кряжа пришельцы и здесь выбрали для обитания не степной район, а большая часть «княжеских» курганов Подонья возведена на самой высокой точке его юго-восточных отрогов [32].

Вероятно, существовала еще одна волна переселенцев, связанная с войной 35 г. в Закавказье. Но по материалам донских курганов она трудноуловима. Вероятно, ее удалось проследить в Поволжье [33], но эти памятники, по-моему, если и следует связывать с аланами, то с другой их частью.

И здесь уместно вернуться к начальному этапу переселения ираноязычных кочевников из Внутренней Азии в Восточную Европу. Часть мигрантов двигалась на запад иным, северным, маршрутом, который предполагали исследователи XIX - начала XX в. [34] Пройдя по границе степи и лесостепи, эта группа избирает местом обитания предгорные и горные районы Южного Приуралья, где оставила яр-

кие погребальные памятники типа прохоровских курганов. Я не разделяю точку зрения о том, что северным путем шли аорсы - аланы, а южным асы - осетины. Видимо, механизм освоения новой территории был таким же, как и у южной группы кочевников, но с последующим продвижением «дружинного ядра» к югу, в Нижнее Поволжье. В формирование населения южноуральского региона, скорее всего, внесли свой вклад и те военизированные группы кочевников, которые после завоевания Бактрии продолжили движение на северо-запад, в Приаралье. С их активностью, вероятно, связано появление импортных изделий из Северного Ирана в Южном Приуралье.

Допустив существование в социальной структуре ранних кочевников особых военизированных групп, мы сможем объяснить как трудности с их археологической идентификацией, так и противоречивые сведения письменных источников, которые фиксируют алан в одно и то же время в разных регионах варварского мира. Для южной группы алан такое решение проблемы (со ссылкой на А. О. Наглера, Л. А. Чипирову [35] и О. И. Сатеева [36]) в виде всесторонне аргументированной гипотезы первым сформулировал, кажется, М. Б. Шукин [37].

Дальнейшая история алан связана с включением алан в гуннские войска, с продвижением их в Западную Европу вплоть до Британских островов [38], но эта часть их истории лежит за пределами избранной мною темы. Дело в том, что не завоевывающие территорию отряды, а осваивающие ее племена за этим авангардом уже не последовали. Может быть, потому, что следующий горный массив Карпаты, отвечающий их экологическим запросам, расположен на расстоянии более чем 1600 км от Центрального Предкавказья.

Любопытна высказанная В. Г. Богораз-Таном мысль о том, что жители гор не являются завоевателями. Он считает их отколовшимися и «застрявшими» в горах осколками проходивших через эти горы народов и племен [39]. Дополнительной аргументации и примеров автор не приводит, но это очень напоминает судьбу алан. Дальнейшая история оставшихся на Кавказе кочевников связана с трансформацией полукочевоего скотоводческого хозяйства в пастушеское [40], которое до настоящего времени характерно для традиционных форм хозяйственной деятельности народов Кавказа. Этот процесс был обусловлен спецификой региона: отдельные элементы национальных культур различных этносов в особой природной общности, каковой является Кавказ, со временем приобретают черты сходства [41]. В эпоху средневековья в предгорьях Центрального и Северо-Западного Кавказа

возникает государственное образование - Алания. Его нельзя уже называть «кочевым» в строгом смысле этого термина. Из трех выделенных А. М. Хазановым типов кочевых государств Алания принадлежит к четвертому, упомянутому как редкий, но возможный вариант создания государства бывшим кочевым, но уже осевшим населением [42]. Это государство возникает в зоне влияния южных соседей, прежде всего Грузии, при религиозной экспансии Византии через Абхазское царство и Восточное Причерноморье.

Обратив внимание на связь алан с определенной экологической зоной - горными массивами, я не могу не упомянуть старую этимологию имени «алан», которая выводилась из тюркского слова, обозначающего «гора». Эта этимология считается неверной, сейчас общепризнано, что имя «алан» восходит к прилагательному «арийский» [43]. Не могло ли это название быть заимствовано тюрками и через значение «тот, кто живет в горах» со временем превратиться в обозначение гор вообще? Я осознаю свое дилетантство в вопросах языкознания и просто хотел бы обратить на это внимание тех, кому специальные знания и опыт позволят ответить на поставленный вопрос.

1. См., напр.: *Габуев Т. А.* Ранняя история алан. Владикавказ, 1999; *Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 17-19.

2. *V. de Saint Martin.* Recherches sur les population primitives du Caucase. P., 1847; *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Т. III. С. 12 (2-е изд. - Владикавказ, 1992. С. 510); *Taubler E.* Zur Geschichte der Alanen // *Klio*, Bd. 91, 1909. S. 22; *Charpentier J.* Die ethnographische Stellung der Tocharer // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 71, 1917. S. 363 ff.

3. *Charpentier J.* Ibid.

4. *Кулаковский Ю. А.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.

5. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III вв. н. э. на Нижнем Дону. Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1979. С. 13-15; *он же.* Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR, Int. Ser. № 278). Oxford, 1986. P. 58-63.

6. *Раев Б. А.* Аланы в Евразийских степях: восток-запад // Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 116.

7. *Раев Б. А.* Пазырык и «Хохлач»: некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1984. С. 133-135; *он же.* Аланы в Евразийских степях. С. 117.

8. *Раев Б. А., Яценко С. А.* О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 111 и ел.

9. *Габуев Т. А.* Ранняя история алан; *Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы; *Туаллагов А. А.* Сарматы и аланы в IV в. до н. э. - I в. н. э. Владикавказ, 2001.

10. *Лысенко Н. Н.* Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб., 2002. Нужно отдать должное: в работе есть ряд любопытных наблюдений и соображений.

11. Я намеренно избегаю употребления этнических определений кочевников Внутренней и Центральной Азии до появления их в поле зрения античных авторов под именем «аланы».

12. Цит. по: *Гумилев Л. Н.* Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга. VIII-XIV. Л., 1968. С. 118.

13. *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. М., 1972. С. 15.

14. *Тишкин А. А., Дашковский П. К.* Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. С. 211.

15. *Хазанов А. М.* Некоторые проблемы экологии нomaдизма // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1972. С. 46, 49.

16. Ср. обзор гипотез: *Гутнов Ф. Х.* Ранние аланы. С. 71-75.

17. *Клейн Л. С.* Генераторы народов // Древняя Сибирь. IV. Новосибирск, 1974. С. 126 и сл.

18. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 51.

19. В процессе антропогенеза человечество осваивало все более и более неблагоприятные для жизни районы земного шара. Выбор этносом «пути наименьшего сопротивления» связан, вероятно, со специализацией хозяйственной деятельности и сложением этоса определенных культур.

20. *Заднепровский Ю. А.* Сармато-аланы в Северном Иране в первых веках нашей эры // Тезисы докладов 4-й сессии по Древнему Востоку. М., 1968. С. 80.

21. *Алехин В. В.* География растений. М., 1950. Рис. 167.

22. *Раев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III вв. н. э. на Нижнем Дону. С. 14.

23. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 282, 312.

24. *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира (историко-этнографическое исследование). М., 1985. С. 61.

25. *Толстое С. П.* К истории древнетюркской социальной терминологии (Qa-yan||qoş-un v tar-qan||tuñ-k) // ВДИ. 1938. № 1. С. 72-75.

26. *Ботяков Ю. М.* Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX - первая половина XX века). СПб., 2002. С. 49-70.
27. *Боровкова Л. А.* Царства «Западного края» во II—I веках до н. э. М., 2001. С. 103 и ел.
28. Ср. в настоящем сборнике: *Ерофеева И. В.* Феномен «скифской тактики» ведения боевых действий в истории казахско-джунгарских войн: экологические аспекты военного искусства кочевников.
29. *Ботяков Ю. М.* Аламан. С. 73-74.
30. *Раев Б. А.* Святилище на р. Мзымта и транзитные пути через перевалы Северо-Западного Кавказа // Первая Абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2006. С. 304-307.
31. Через оазисы Центральной Азии и далее через Северный Иран, перевалы Центрального Кавказа или западным берегом Каспийского моря осуществлялись все вторжения кочевников из Внутренней Азии в Европу вплоть до первого похода монголов в 1223 г.
32. *Раев Б. А.* «Княжеские» погребения сарматского времени в г. Новочеркасск // Археологические памятники Европейской части РСФСР. М., 1985. С. 131.
33. *Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 1. С. 158-161. Ср.: *Шукин М. Б.* Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасаде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. № 4. С. 178-179, где аргументируется возможность иной интерпретации найденных в Поволжье импортных вещей.
34. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. С. 12 (2-е изд. - Владикавказ, 1992. С. 510); *Taubler E.* Op. cit. S. 22; *Charpentier J.* Op. cit. 363 ff.
35. *Наглер А. О., Чипирова Л. А.* К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 88, 90. Из всей обширной алановедческой литературы только в этой работе есть отсылка и высокая оценка незаслуженно забытой работы С. П. Толстова 1938 г.
36. *Самеев О. И.* Социально-экономические факторы формирования военно-демократического комплекса в сарматском обществе (К вопросу о раннеаланской стадии) // Первая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1989. С. 92.
37. *Шукин М. Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Часть I. Новочеркасск, 1992.
38. *Bachrach B. S.* A History of the Alans in the West from their first appearance in the sources of classical Antiquity through the early Middle Age. Minneapolis, 1973.

39. *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на земле. Основы этнографии. М.-Л., 1928. С. 128.
40. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
41. *Андрианов Б. В., Доскач А. Г.* Хозяйственно-культурная дифференциация народов мира и географическая среда // Природа. 1983. № 4. С. 52.
42. *Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. С. 366-368.
43. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 29-30.